

ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СЧАСТЬЯ ЧЕЛОВЕКА: НЕОБХОДИМОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ПОИСКА¹

В. С. Бочко

В статье рассматриваются необходимость формирования теории экономического счастья человека и направления поиска макроэкономических показателей, которые отражали бы состояние и динамику его благополучия. Показано, что этими проблемами активно занимаются зарубежные и отечественные ученые. Раскрывается авторское понимание экономического счастья человека, дается аналитический обзор проблем научного изучения человеческого счастья в работах Аристотеля, Эпикура, И. Бентама, А. Смита, Л. Мизеса и др. Объясняется необходимость изучения современной экономической теорией счастья людей. Обосновывается необходимость перехода на развитие предложенной автором статьи интегративной экономики, которая сочетает экономические отношения с нравственно-этической мотивацией поведения людей. Подчеркивается, что благополучие и счастье людей может быть достигнуто только на основе совместных социально ориентированных и скоординированных действий всех членов сообщества.

Проблема человеческого счастья

В настоящее время в мировой научной экономической литературе идет поиск макроэкономических показателей, которые наиболее точно отражали бы состояние и динамику благополучия человека, его экономическое счастье. Об этом пишут, например, нобелевские лауреаты Дж. Стиглиц и А. Сен, а также Ж.-П. Фитусси в докладе Комиссии по измерению результатов экономического развития и социального прогресса, опубликованном в 2009 году. Они ука-

зывают, что «пришло время сместить акценты нашей системы измерений с измерения экономического производства на измерение человеческого благосостояния» (Цит. по [1, с. 95]).

По данным прессы, премьер-министр Великобритании в 2010 г. заявил, что он намерен одним из приоритетов своей политики избрать в качестве инструмента достижения счастья «либертарианский патернализм», вытекающий из поведенческой экономической теории [1, с. 102]. Он состоит в «подталкивании» (а не принуждении) человека к выполнению определенных поступков. Либертарианский патернализм предполагает конструирование выбора действий человека таким образом, чтобы в результате проводимой политики оно приводило к результатам, которые являются для индивида наилучшими с точки зрения лица, принимающего решения. Ряд западных исследователей считают этот путь очень перспективным и утверждают, что за ним будущее.

О поиске новых макроэкономических показателей свидетельствуют публикации в отечественных научных изданиях, например, работах академика В. Л. Макарова. Проблему формирования экономики счастья он рассматривает через идею возникновения в будущем более справедливого общества, которое может появиться на основе его целенаправленной стратификации (создания разнообразных сословий с их базовыми ценностями, традициями, институтами) и введения системы рационирования. Возникающие сословия он называет «социальными кластерами»: соцкластер предпринимателей, или деловых людей; соцкластер военных (защитников Отечества); соцкластер госслужащих (служителей Отечества); соцкластер ученых, учителей, врачей; соцкластер представителей культуры и искусства; соцкластер священнослужителей [13, с. 141], а будущее общество — «обществом социального кластеризма». В та-

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке проекта № 12-П-7-1001 «Новые инструменты и методы прогнозирования инновационно-технологического развития регионов», выполняемого в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 34.

ком обществе вместо рыночной экономики будет господствовать «проектная экономика», которая обеспечивает «желательное для общества функционирование всех соцкластеров, кроме разве что предпринимательского, где проект является лишь одним из используемых механизмов» [13, с. 131, 141, 167].

В журнале «Вопросы экономики» в 2012 г. опубликована статья О. Антипиной «Экономическая теория счастья как направление научных исследований» [1]. В этом же журнале помещена статья французского экономиста М. Флербе с четким названием: «За пределами ВВП: в поисках меры общественного благосостояния» [27]. В 2010 г. вышла монография В. С. Бочко «Интегративное стратегическое развитие территорий (теория и методология)», в которой обосновывается развитие экономики для обеспечения экономического счастья человека [7].

Идущий научный поиск нового макроэкономического показателя свидетельствует о том, что уже недостаточно использовать показатель ВВП на душу населения в качестве меры благосостояния людей. Нужен какой-то иной показатель, который вышел бы за материальные границы благополучия и включал бы также ментальные, нравственные и когнитивные его стороны, т. е. отражал бы такие аспекты жизни человека, как удовлетворенность работой, возможность получать позитивные эмоции во время отдыха, иметь хорошее здравоохранение и т. д. Другими словами, нужен показатель, с помощью которого можно было бы оценить жизнь человека как свободной самостоятельной личности.

Начиная с 2006 г. британский исследовательский центр New Economics Foundation, ежегодно составляет «всемирный индекс счастья» (Happy Planet Index) для государств мира. С помощью данного индекса демонстрируется обеспеченность счастливой жизнью в странах мира. Основная цель создателей данного индекса заключается в иллюстрации того, что экономический рост является недостаточным условием для счастливой жизни.

Такие взгляды основываются на постепенном и достаточно заметном отходе экономической теории от своих базовых «трех китов», трех основополагающих принципов анализа экономических отношений: 1) рациональности поведения, 2) преследования собственных интересов и 3) равновесия. На смену им приходят принципы

1) целенаправленного поведения, 2) разумного собственного интереса и 3) устойчивого развития. По крайней мере, так считает Д. Коландер, профессор Колледжа Миддлбери (США) [11].

Проблема человеческого счастья в современный период не является каким-то необычным или экзотическим явлением. Она существует ежедневно, постоянно и затрагивает всех без исключения. Люди обсуждают эту проблему не только на семейно-бытовом уровне, но и на корпоративном, муниципальном и государственном. Это происходит при разработке и утверждении бюджетов развития предприятий, муниципалитетов, регионов, страны в целом, при создании стратегических планов, при разработке прогнозных документов. Вопросами обеспечения человеческого счастья заняты ученые, менеджеры, политики, общественные деятели. Все они ищут пути повышения благополучия людей (социальных групп и каждого индивидуума) через улучшение технологий, законодательной базы, организации межличностного сотрудничества. Хотя ими не используется термин «человеческое счастье», но это не значит, что их действия не направлены на его достижение. Современные социально-экономические, юридические и культурологические науки вместо термина «человеческое счастье» обычно применяют понятие «социальное благополучие», как более строгое в научном отношении. В пункте 1 статьи 7 Конституции РФ сказано, что «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». По своей сути это и есть формулировка человеческого счастья и действий по его обеспечению. Следовательно, проблема заключается не в отсутствии действий по достижению человеческого счастья, а в отсутствии соответствующих формулировок.

Во всех своих действиях человек стремится к организации лучшей жизни, достижению благополучия, душевного равновесия. Все эти желаемые состояния человека (общества) характеризуются таким понятием, как счастье.

На государственном уровне лидером в решении вопросов человеческого счастья является гималайское королевство Бутан. Обращаясь в 1972 г. с тронной речью к Национальной ассамблее, король Джигме Сингай Вангчук заявил, что благосостояние страны должно измеряться не внутренним валовым продуктом (ВВП), а

внутренним валовым счастьем (ВВС). С тех пор премьер-министр, как заведено с 1972 г., в своем ежегодном отчете о состоянии нации освещает положение дел с четырьмя «столпами ВВС»: обеспечение справедливого и устойчивого социально-экономического развития, сохранение и развитие традиционных культурных ценностей, охрана природы и правильное управление страной. Это способствует не только экономическому росту страны, но и развитию культуры, психическому здоровью, состраданию и чувству общности (см. <http://www.project-syndicate.org/commentary/the-economics-of-happiness/russian>).

Понятие человеческого счастья

Экономический подход к пониманию счастья, или «экономическая теория счастья», в современной научной литературе относится к новому направлению экономических исследований. Так, О. Антипина пишет: «Экономическая теория счастья (economics of happiness) — одно из новых направлений современных исследований, которое базируется на концепции ограниченной рациональности, предложенной нобелевским лауреатом Г. Саймоном» [1, с. 94]. Она считает, что первые научные разработки в области экономической теории счастья появились в 1970-х гг. В подтверждение своего мнения она указывает на то, что первая научная конференция по «экономике счастья» состоялась в 1993 г. в Лондонской школе экономики.

Такой взгляд на экономический подход к пониманию счастья можно считать обоснованным, если привязывать данную проблему к возникшим или вновь возникающим экономическим теориям, например, к теории ограниченной рациональности, или к поведенческой экономической теории (объединяющей психологию и экономику), или к теории рационального выбора, или к психологической экономической теории (Д. Канеман, нобелевский лауреат)¹. Действительно, в рамках новых и новейших экономических теорий проблема экономического счастья выдвигается как новое и важное направление исследований.

¹ Канеман Даниэль (р. 1934), лауреат Нобелевской премии по экономике 2002 года «за применение психологической методики в экономической науке, в особенности — при исследовании формирования суждений и принятия решений в условиях неопределенности» (совместно с В. Смитом), несмотря на то, что исследования проводил как психолог, а не как экономист.

Если же взглянуть на весь период существования экономической мысли, то увидим, что проблемой экономического счастья ученые занимались во все времена существования экономической науки. Проблема человеческого счастья решается столько же лет, сколько люди осознают себя как личности. В прежние времена на нее обращали внимание в первую очередь философы, занимаясь поиском смысла человеческой жизни [2, 3, 4, 12, 15-17, 19]. Экономисты в меньшей мере изучали проблему счастья, но они также не убрали ее из своих исследований, хотя и ограничивали их экономико-психологическими рамками [14, 25].

В данной работе мы не рассматриваем счастье во всех его трактовках и проявлениях, начиная с понимания счастья как момента восторженного состояния души, как кратковременного явления, и заканчивая его пониманием как длительного и гармоничного удовольствия. Не будем также анализировать понимание счастья с позиций «привычка свыше нам дана, заменой счастию она» (А. С. Пушкин), его достижения путем самоограничения, аскетизма, отрешенности от привязанности к внешнему миру и сведения счастья к разумности поведения, интеллектуальному пониманию блаженства или радостной покорности судьбе.

Мы попытаемся проанализировать счастье с позиции экономической повседневной жизни человека. Наш посыл заключается в том, что существует экономическое счастье человека, которое представляет собой чувство удовлетворенности жизнью, выражающееся в отсутствии беспокойства о наличии работы, уверенности в существовании более-менее достойного дохода, доступности профессионального образования, гарантированности качественного медицинского обслуживания и сбалансированного получения других социальных благ.

Предложенное нами понимание экономического счастья человека не только позволяет выделять его факторы, но и предполагает возможность анализировать уровень экономического счастья по возрастным группам населения, в том числе выделяя в группе трудоспособного возраста подгруппы по выбранным возрастным годам.

При этом удовлетворенность мы не приравниваем ни к удовольствию, как проповедует, например, эпикуреизм или гедонизм, ни к наслаждению или отсутствию страдания (И. Бентам,

Дж. Ст. Милль). Под удовлетворенностью мы понимаем соответствие между устремлениями и достижениями.

Достижение экономического счастья обеспечивается выполнением людьми (индивидуально и совместно) разнообразных действий, устраняющих или смягчающих у них чувство беспокойства. Это означает, что человеческое счастье зависит от эффективного развития экономики. Чем лучше и сбалансированней она развивается, тем более полно могут удовлетворяться человеческие потребности. Если же при этом обеспечивается полная занятость, а оплата труда соответствует вкладу каждого человека в рост общественного благосостояния, то удовлетворение потребностей будет не только полным с точки зрения общества, но и справедливым по отношению к каждому отдельному человеку. Такое устройство производства и распределения благ может создавать комфортные условия для жизнедеятельности людей, снижать или полностью устранять у них чувство обеспокоенности условиями жизни.

Конечно, человеческое счастье не ограничивается потреблением жизненных материальных благ в их достаточном количественном и качественном измерении. Поскольку человек является мыслящим существом, испытывающим потребность в духовных и культурных благах, а также в эмоциональном, этическом и психологическом благополучии, то для полного человеческого счастья, естественно, требуются не только материальные блага, хотя они являются фундаментом всех остальных составляющих человеческого счастья. Юмористическое выражение, что таланты должны голодать, используемое в среде некоторых художественных и литературных кругов, есть лишь насмешливое введение в заблуждение непосвященных об истинном отношении к роли материального богатства в жизни этого слоя общества.

По критерию ценности человеческого счастья все философско-экономические взгляды, начиная с древнегреческих мыслителей, можно свести в три большие группы. К первой группе относятся теоретические взгляды, рассматривающие счастье исходя из его нравственной основы. Вторая группа — оценка счастья на утилитарной основе. Третья группа оперирует степенью удовлетворенности материальными благами.

Еще в эллиническую эпоху возникла специальная философская дисциплина, изучающая мо-

раль и нравственность. Древнегреческий философ Аристотель назвал ее этикой (греч. *ethika*, от *ethos* — обычай, нрав, характер). Проблема счастья являлась центральной категорией античной этики. В обширной работе «Никомахова этика» в Книге первой Аристотель провел специальный анализ понятия счастья. Он писал, что для одних счастьем кажется добродетель, другим — рассудительность, третьим — известная мудрость, а иным — все это вместе взятое. Сделав разбор всех подходов к пониманию счастья, в том числе является ли оно даром свыше или выступает плодом усвоения знаний или упражнений, Аристотель определил содержание счастья как «деятельность души в полноте добродетели» [3, с. 11]. При этом под добродетелью понималось то, что ведет к счастью.

Проблемой человеческого счастья занимался древнегреческий философ Эпикур, один из создателей этики, учения о поведении человека, которое ведет к счастью. Для Эпикура критерием счастья является чувство удовольствия. Отсюда благо есть все то, что порождает удовольствие, а зло — то, что порождает страдания. Поэтому, по мнению Эпикура, разработке учения о пути, ведущем человека к счастью, должно предшествовать устранение всего, что стоит на этом пути, а именно: страха перед вмешательством богов в человеческую жизнь, страха перед смертью и загробным миром. Освобождение от гнетущих душу страхов открывает путь к счастью. В итоге в философии эпикуреизма счастье отождествлялось с удовольствием.

Эпикур в письме к Менекею так объясняет свои мысли по поводу человеческого счастья: «Надо принять во внимание, что желания бывают: одни — естественные, другие — пустые, и из числа естественных одни — необходимые, а другие — только естественные; а из числа необходимых одни — необходимы для счастья, другие — для спокойствия тела, третьи — для самой жизни. Свободное от ошибок рассмотрение этих фактов при всяком выборе и избегании может содействовать здоровью тела и безмятежности души, так как это есть цель счастливой жизни: ведь ради этого мы все делаем, именно чтобы не иметь ни страданий, ни тревог... Мы имеем надобность в удовольствии тогда, когда страдаем от отсутствия удовольствия; а когда не страдаем, то уже не нуждаемся в удовольствии. Поэтому-то мы и называем удовольствие началом и концом счастливой жизни». При этом он

добавляет, что «когда мы говорим, что удовольствие есть конечная цель, то мы разумеем не удовольствие распутников и не удовольствия, заключающиеся в чувственном наслаждении, как думают некоторые, не знающие, или не соглашающиеся, или неправильно понимающие, но мы разумеем свободу от телесных страданий и от душевных тревог». На основании изложенного Эпикур делает замечательный вывод, согласно которому «нельзя жить приятно, не живя разумно, нравственно и справедливо, и, наоборот, нельзя жить разумно, нравственно и справедливо, не живя приятно» (из письма Эпикура к Менекею, см. в Большой энциклопедии Кирилла и Мефодия. 2006). Как видим, по Эпикуру, цель счастливой жизни — отсутствие страданий, здоровье тела и состояние безмятежности духа, т.е. получение удовольствий.

Особенности понимания счастья проанализированы И. С. Свенцицкой в работе «Счастье и горе у древних греков» [19, с. 16-25]. В дошедших до нас литературных источниках, пишет она, в основе идеала счастья был принцип, который передается греческой поговоркой «ничего слишком».

Наиболее подробно греческий идеал счастья классического времени описан у Геродота в его рассказе о Крезе и Солоне. Лидийский царь Крез славился своим богатством (через его столицу Сарды протекала река с золотым песком). Когда Солон приехал к нему в гости, Крез показал ему свои сокровища и спросил, встречал ли Солон самого счастливого человека в мире (Крез надеялся, что Солон назовет его). Солон ответил, что самым счастливым человеком был афинянин Телл: он был зажиточным, имел сыновей и внуков и погиб, доблестно сражаясь за свой город. В качестве посмертной почести его похоронили за общественный счет. Следующими Солон назвал двух юношей, победителей в спортивных играх. Их мать была жрицей богини Геры. Когда во время общегородского празднества ее нужно было, согласно ритуалу, привезти на повозке к храму, они впряглись в повозку вместо быков (быки были далеко в поле) и отвезли мать. А когда мать попросила богиню наградить их, юноши заснули в храме богини и больше не проснулись, город же оказал им посмертные почести.

На основе изученных источников И. С. Свенцицкая приходит к выводу, что для древних греков, «во всяком случае, в архаический период»,

идеалом счастливой жизни было наличие семьи, определенной собственности (но не чрезмерного богатства), служба родному полису, легкая смерть и общественные почести. Величайшим несчастьем была для эллинов потеря родных и сородичей — жизнь в одиночестве.

Немецкий философ Иммануил Кант в «Критике практического разума» (1788) обосновал невозможность нравственности на принципе счастья, а следовательно и на пользе. Отсюда он заключил, что основу нравственности следует искать в природе разума (в категорическом императиве).

Среди европейских философов и экономистов XVIII в. понятие счастья связывалось с гедонизмом. Гедонизм (от греч. *hedone* — удовольствие) представляет собой направление в этике, утверждающее наслаждение, удовольствие как высшую цель и основной мотив человеческого поведения. На этих позициях находились французские материалисты К. А. Гельвеций, П. Гольбах и др.

В экономической теории принцип гедонизма являлся одним из ведущих, поскольку считалось, что человек всегда руководствуется личным интересом, т.е. стремится максимизировать свой доход (или полезность) и минимизировать затраты (или усилия), независимо от того, в какой роли он выступает (потребителя, предпринимателя или продавца рабочей силы). Как известно, Адам Смит много занимался вопросами этики и человеческого поведения. В университете Глазго он читал курс лекций по моральной философии и написал книгу «Теория нравственных чувств» (1759) [25], принесшую ему международную известность. Работа «Исследование о природе и причинах богатства народов» была опубликована только в 1776 г.

В XIX в. в Великобритании получило распространение учение утилитаризма. Оно является позитивистским направлением в этике. Согласно этому учению основой нравственности и критерием человеческих поступков считается польза, выгода, полезность. Именно они служат средством для достижения какой-либо цели. Базовые положения утилитаризма определил английский философ и экономист Иеремия Бентам. Он считал, что каждое отдельное действие может подчиняться «расчетам счастья», количественному сравнению удовольствия и страданий. При этом, по его мнению, подобные сравнения могут быть суммированы среди отдельных людей в целях

оценки общественного действия и каждое общественное действие должно оцениваться в терминах «наибольшего счастья для наибольшего количества людей».

На основе сказанного можно записать формулу счастья И. Бентама [5], где в числителе находится удовольствие, а в знаменателе — страдание.

Уровень счастья, согласно этой формуле, может колебаться от 0 до 1, при этом, чем выше состояние счастья, тем показатель выше. Полное счастье выражается отсутствием страданий и заполненностью душевного и физического состояния исключительно удовольствием, что в математическом виде равняется 1.

Для расчета счастья оставалась одна немаловажная трудность. Она состояла в том, что никто не мог объяснить, как подобного рода анализ затрат и выгод должен осуществляться в каждом отдельном случае. Поэтому «расчеты счастья» И. Бентама в экономической литературе его времени приобрели издевательский оттенок [6, с. 31].

Но самое интересное в учении И. Бентама, заметим мы, не то, что он сформулировал идею экономического счастья, а то, что люди на самом деле стали использовать ее в судебной практике. В современных условиях (XXI век) это выражается в требованиях истцов возместить «моральный ущерб», который дает соответствующее удовлетворение, счастье. Поскольку до сих пор никто не может объективно сосчитать моральный ущерб, или «величину счастья», компенсирующую ущемленное достоинство человека, то судьи выносят решения, руководствуясь своим здравым смыслом. В результате такого волюнтаристского мнения судей запрошенные «суммы счастья» значительно уменьшаются без удовлетворительных объяснений методов такого снижения. И все же, как считал американский экономист Р. Хайлбронер, идее И. Бентама о счастье и его измерении была придана математическая точность работой «Математическая психология» (1881) английского экономиста Френсиса Исидора Эджуорта, основателя математической экономической теории. В математическом мире Ф. Эджуорта «каждый человек — это машина по получению удовольствия». Если определить экономику как изучение соперничества человеческих счетных машин за кусочек общественного счастья, то можно доказать с неопровержимостью, свойственной дифференциальному

исчислению, что в мире совершенной конкуренции каждая машина удовольствий достигнет наивысшего счастья, которое общество в состоянии создать [28, с. 218-219].

Хотя первым термин утилитаризм [18] использовал И. Бентам, но в широкий научный оборот он вошел после опубликования английским экономистом Дж. Ст. Миллем¹ работы «Utilitarianism», которая появилась в 1861 г. Дж. Ст. Милль признает себя последователем принципа пользы или счастья, предложенного И. Бентамом: польза есть не что иное, как наслаждение или отсутствие страдания. Полезность действий определяется тем, насколько они служат общему благу. Дж. Ст. Милль считал, что не следует смешивать счастье с удовлетворением потребностей. Некультурный человек имеет мало потребностей, и они легко удовлетворимы.

Несколько иначе рассматривал понятие счастья австрийский экономист Л. Мизес. Он исходил из того, что действующий человек стремится исправить неудовлетворительное состояние дел и достичь желаемого. Мотивом, побуждающим человека действовать, всегда выступает некоторое беспокойство. Но чтобы заставить человека действовать, простого беспокойства и представления о более удовлетворительном состоянии недостаточно. Необходимо еще ожидание, что целенаправленное поведение способно устранить или по крайней мере смягчить чувство беспокойства. Человек будет счастлив, если сможет добиться положительных результатов. Поэтому, по Л. Мизесу, стремление к счастью есть активная человеческая деятельность [14, с. 16-17].

Своеобразный взгляд на счастье существовал в общественном мнении на Руси. Аспекты понимания счастья в России в XVII–XVIII вв. проанализированы в исследовании историка О. Е. Кошелевой [12, с. 108-117]. Она отмечает, что хотя проблема счастья и не находилась в центре внимания русских источников того времени, однако эти вопросы все же рассматривались в ряде произведений. Счастье понималось в двух интерпретациях: 1) как духовно-религиозное счастье и 2) как земное счастье. Религиозная культура считала земное счастье призрачным и

¹ Милль Джон Стюарт (1806-1873), английский философ и экономист. Идеолог либерализма. Сын Дж. Милля. Основатель английского позитивизма. В этике соединял принцип эгоизма (утилитаризм) с альтруизмом. В сочинении «Основания политической экономии» (т. 1-2, 1848) положения классической политэкономии объединил со взглядами Ж. Б. Сея и Т. Р. Мальтуса.

мимолетным, погоня за ним в забвении о спасении души может обернуться вечным несчастьем. Истинное счастье — в служении и угождении Богу, в восхищении святостью и в надежде на вечное спасение.

Проведенный О. Е. Кошелевой анализ источников показывает, что в обыденной жизни, где требовалось концентрировать внимание на выживании и борьбе за пропитание, было свое понимание счастья, хотя оно редко находило отражение в письменных текстах. Счастье для большинства малосостоятельных людей российского общества оставалось близким к понятию «благополучие», оно выражалось в достижении хозяйственного изобилия и в избавлении от непосильных трудов.

В России к проблеме счастья обращался писатель, публицист и экономист Николай Гаврилович Чернышевский. В понимании счастья он придерживался положений утилитаризма, предложенных английским экономистом Дж. Ст. Миллем. В развитие положений утилитаризма Н. Г. Чернышевский предложил теорию «разумного эгоизма» в романе «Что делать?» (1863), в которой дал своеобразную интерпретацию основного принципа утилитаристской этики: критерий морали — достижение пользы, выгоды, удовольствия и счастья.

Необходимость решения проблемы экономического счастья человека

Во-первых, необходимость решения проблемы экономического счастья связана с нарастанием противоречия между умиротворенным текущим социально-экономическим и нравственно-психологическим поведением людей, с одной стороны, и грозящей деградацией развития экономики и общества, с другой стороны. Несоответствие текущего поведения людей надвигающимся вызовам времени проявляется в том, что сложившееся относительное жизненное благополучие в виде наполненных прилавков магазинов и более-менее сносного дохода для большинства жителей стран мира, но особенно для России, заслоняет проблему будущей отраслевой, территориальной и структурной деградации производства и социальных искривлений. Разрастание противоречия будет выражаться в уменьшении разнообразия видов деятельности, дальнейшем загрязнении воздуха, воды, химизации продуктов питания, переселенности одних пространств и запустении других.

Возрастет «шумовое загрязнение», пагубно воздействующее на здоровье людей. «Избыточный шум является не следствием прогресса, а следствием стагнации» [8, с. 145] — отмечала известный американский теоретик градостроительства Джейн Джекобс. Данная проблема не решается выносом промышленных предприятий за пределы конкретного города, так как эта мера ведет не к устранению шума, а к его передвижению на другую территорию. Действительное решение проблемы шума состоит в создании новых товаров и услуг, не создающих шум или успешно поглощающих его.

Во-вторых, другой проблемой, которую следует решать для обеспечения благополучия людей, является преодоление в России избыточного пессимизма, связанного с их психологической реакцией на разворачивающиеся социально-экономические процессы. Если среди населения и властей преобладают пессимистические настроения, выражающиеся в нежелании инвестировать в производство и предпринимать новые проекты, то происходит сокращение деловой активности, которое носит кумулятивный (накапливающийся и взрывной) характер и снижает чувство экономического счастья жителей.

Избыточный пессимизм, распространяющийся в городском сообществе, приводит к снижению покупательной способности, росту сбережений и тревожных ожиданий. Удовлетворенность жизнью понижается. Важную роль в преодолении избыточного пессимизма играет разработка и принятие органами местного самоуправления совместно со всеми слоями городского сообщества стратегических планов развития на долговременный период. Наличие путеводных мероприятий показывает не только направления будущего развития, но и его горизонты, что служит основой для формирования у населения уверенности в положительном будущем.

Естественно, что сами по себе стратегические идеи не вызовут перелома в настроениях населения, они перейдут в их оптимизм только при наличии практических, физически обозримых и регулярно реализуемых больших и малых дел. Наряду с сокращением безработицы и повышением деловой активности они вселяют уверенность в том, что и в дальнейшем все будет происходить примерно в таких же размерах, с которыми связываются положительные ожидания. В этом случае уровень чувства экономического

счастья у населения растет. Задача властных структур теперь заключается в том, чтобы не допустить ошибок в формировании оптимизма, т.е. не давать несбыточных обещаний, которые довольно часто являются популистскими.

В-третьих, экономическое счастье человека зависит от масштаба поселения, в котором он живет. Его (экономическое счастье) неоправданно связывают с непрерывным ростом городов, что происходит в результате возникновения новых производств, наряду с сохранением старых, и увеличивающимся жилищным строительством. Растущие города, дающие работу и кров вновь прибывающим, одновременно формируют «вокзальный» характер проживания, состояние неустойчивости. Слишком быстро происходящие перемены не успевают перерасти в обычаи и привычки людей, а поэтому нарушают чувство успокоенности и удовлетворенности жизнью. Аналогичные психологические процессы разворачиваются также в тех городах, где сворачиваются производства и откуда усиливается отток населения.

Поскольку целью организации жизнедеятельности населения (развитие производств и поселений) является создание благополучных условий жизни людей, т.е. того, что мы называем экономическим счастьем, то задача органов власти и управления заключается в осуществлении сбалансированного расширения городов, точно так же, как и их сокращения. Для этого нужны федеральные и региональные программы как «откачки» населения из переполняющихся городов, так и сохранения его в средних и малых городах. Нужно заменить изматывающие трудовые усилия и стрессовые передвижения по запруженным улицам на нормальную цивилизованную жизнь. Примером нерационального дальнейшего разрастания крупных городов является рост численности населения в Москве, Санкт-Петербурге, ряде городов-миллионников. Город Екатеринбург уже скопил в своих границах треть населения всей области, а объемы его жилищного строительства достигают половины от общеобластного уровня. Более-менее равномерное расселение жителей по территории страны, а не скучивание их в нескольких крупнейших поселениях, не только решит проблему общего обустройства пространства государства, но и повысит чувство экономического счастья за счет ведения спокойной осмысленной жизни в городах, сбалансированных по численности и

объемам производств, что позволяет формировать человека-личность.

Проблема измерения экономического счастья человека

Хотя понятия счастья и благосостояния являются в значительной мере субъективными, однако уже давно исследователи предложили объективный критерий, позволяющий судить о том, увеличивается счастье или уменьшается. Этот критерий был выдвинут Эмилем Дюркгеймом в работе «О разделении общественного труда» (1893) и сформулирован следующим образом: «этот факт — число самоубийств». На русском языке книга впервые вышла в Одессе в 1900 г., а второй раз (в новом переводе) была издана в 1996 г. Э. Дюркгейм утверждал, что если жизнь есть счастье и благоденствие или кажется таковой, то тогда она принимается, и от нее не отказываются. Счастливая жизнь предпочитается смерти. Поэтому если мы хотим более или менее объективно судить о том, увеличивается ли вместе с прогрессом счастье, мы должны обратиться к числу самоубийств. Если число их с историческим развитием уменьшается, значит, счастье увеличивается, если же число самоубийств растет, значит, счастье и благоденствие уменьшаются. Главная причина самоубийств заключается в степени социальной целостности (или разобщенности) общества. Если человек интегрирован в общество, т.е. степень социального сцепления велика, то увеличивается чувство принадлежности к обществу и нужности ему как его составной части. Если же возрастает степень социальной изоляции, то чувство одиночества, отторженности возрастает настолько, что человек перестает воспринимать себя составной частью общества и покидает его [10, с. 252-256]. Мнение Э. Дюркгейма разделял Питирим Сорокину [26, с. 508].

Пользуясь критерием Э. Дюркгейма, рассмотрим динамику смертности населения от убийств и самоубийств в Свердловской области по данным нижеприведенной таблицы.

Хотя доля самоубийств относительно невелика (составляет около 2% от общей смертности), но она влияет на общую духовную и мировоззренческую атмосферу в обществе, а иногда и напрямую ведет к дополнительной смертности в силу возникновения у родных и близких стрессовых состояний. Показатель смертности от самоубийств по своей природе является не

столько показателем психологии личности, ее мятущегося состояния, сколько отражением социальной обстановки в обществе, которая провоцирует людей на такие крайние действия, как добровольное лишение себя жизни. Поэтому он выглядит устойчивым в трудные годы жизни общества и в определенной мере снижается в годы появляющейся стабилизации экономического развития.

Так, увеличение числа самоубийств в Свердловской области в 1994 г. было, наряду с другими причинами, отражением событий 1993 г., связанных с изменением системы власти в стране. Во многом именно этим объясняется рост самоубийств в 1994 г. до 2863 случаев, т. е. почти на 350 случаев больше по сравнению с 1993 г., когда этот показатель составил 2515 самоубийств. Аналогичный процесс, но связанный не столько с крушением социально-политических ценностей, сколько с личной экономической катастрофой для многих людей, вызванной дефолтом 1998 г., привел к росту самоубийств в 1999 году. Снижение числа самоубийств после 2000 г. свидетельствует о некотором улучшении условий жизни.

К феномену самоубийств примыкает другое не менее жестокое явление — убийство людей. Оно также выступает показателем социального неблагополучия в обществе. Переоценка существовавших ценностей, развернувшаяся в конце 1980-х и начале 1990-х гг., большей частью в негативную сторону, и выдвигание на передний край ценности денег и богатства привели маргинальные слои общества в состояние боевой готовности по перераспределению движимого и недвижимого имущества, накопленного другими гражданами и страной в целом. Его присвоение стало осуществляться этой категорией людей всеми доступными им средствами, в том числе с помощью лишения жизни других людей.

В то же время данные таблицы показывают, что по мере формирования некоторого спокойствия в обществе кривая убийств имеет склонность к снижению. Так, к середине 1990-х гг., когда первая волна преступного передела собственности стала затихать, количество убийств также начало снижаться. Если в 1993 г. в области было совершено 2295 убийств, то к 1997 году их количество снизилось до 1477, или более чем в 1,5 раза. Однако вместе с усилением социального хаоса происходит и возврат к росту числа убийств. Это наглядно продемонстрировал дефолт 1998 г., который не только привел к эко-

Таблица
Смертность населения в Свердловской области
от убийств и самоубийств в 1993–2010 гг. [20–23]

Год	Число убийств	Число самоубийств	На 100 тыс. населения	
			убийств	самоубийств
1993	2295	2515	49,0	53,7
1994	2274	2863	48,2	60,6
1995	2098	2837	44,7	60,4
1996	1833	2634	39,2	56,3
1997	1477	2377	31,0	51,0
1998	1488	2393	32,0	51,5
1999	1793	2436	38,7	52,6
2000	1902	2288	41,4	49,8
2001	1894	2248	41,8	49,6
2002	2017	2270	44,9	50,5
2003	1855	2029	41,6	45,5
2004	1773	1794	39,9	40,4
2005	1552	1779	35,1	40,3
2006	1151	1617	26,1	36,7
2007	953	1467	21,7	33,4
2008	946	1312	21,5	19,9
2009	870	1353	19,8	30,8
2010	709	1212	16,5	28,2

номическим потрясениям, в очередной раз лишив многих граждан средств к существованию, но и стал рубежным в закреплении морального беспорядка и вседозволенности, т. е. снова повернул общество в сторону беззастенчивого использования всевозможных низменных средств для накопления богатства, кривая числа убийств резко поползла вверх. В 1998 г. их число сначала поднялось до 1488, а затем каждый год стало увеличиваться почти на 100 случаев, достигнув в 2002 г. своего апогея в 2017 убийств. Второй передел собственности отпраздновал свою кровавую победу. Дальнейшее юридическое закрепление в очередной раз поделенной собственности составило правовую основу для жизнедеятельности криминальных маргинальных структур. Они на некоторое время почувствовали себя удовлетворенными. Наступила пора относительного спокойствия.

Кроме того, сократились убийства и на бытовом уровне, поскольку маргинальные работающие слои общества, которые стали получать заработную плату без длительных задержек, также частично успокоились. Результатом всего этого стало снижение количества убийств на-

чиная с 2003 г., которое в 2008 г. составило 946 случаев. Все это еще раз подтверждает правильность мысли о том, что социальные условия являются главным фактором как стабильности общества, так и сбережения людей от неестественной смерти.

Показатели смертности от убийств и самоубийств выступают важным свидетельством социального неблагополучия в обществе. Они отражают как процессы падения уровня жизни, роста криминализации общества, так и процессы деградации его моральных и культурных ценностей, и в первую очередь снижение ценности самой жизни человека.

На наш взгляд, в условиях интегративной экономики сводить понятие счастья только к материальным выгодам уже недостаточно. Если в экономическом смысле счастье должно представлять эквивалентный трудовому вкладу доход, то в нравственном аспекте это должен быть труд, выполняемый с удовольствием. Соединение экономического прогресса, переплетающегося с нравственным развитием общества и личности, с укреплением отношений толерантности и компромисса, должно выводить понимание счастья на комплексный уровень, включающий материальные, нравственные и социокультурные составляющие. Это означает, что человеческое счастье состоит в материальной и духовной удовлетворенности жизнью. В связи с этим следует согласиться с утверждением П. Сорокина о том, что «всякий прогресс, ведущий к уменьшению счастья или к увеличению страдания, — не есть прогресс» [26, с. 512].

Возможно ли достижение экономического счастья человека?

Ответ на данный вопрос не только необходим, но и крайне важен для того, чтобы показать, что рассматриваемая идея не является умозрительной фантастикой, что она опирается на реальные материальные и социокультурные возможности общества.

Поскольку мы рассматриваем экономическое счастье человека как чувство удовлетворенности жизнью в ее разных аспектах, то о материальной стороне возможного благополучия можно сказать, что она в принципе достижима. Базой такого утверждения являются технологически развитые национальные и мировые производительные силы, позволяющие создавать столько материальных благ, сколько требуется для удовлетворения научно обоснованных (ра-

зумных) потребностей всех живущих на Земле. Подтверждением такой их способности является снижение со второй половины XX в. численности занятых в материальном производстве в среднем в 2-2,5 раза с одновременным их увеличением в сфере услуг. Многие исследователи даже называют современную экономику сервисной, т. е. подчеркивают в ней увеличение создаваемых благ нематериального характера. Кроме того, наличие во всех странах значительного количества невостребованных рабочих рук (армии безработных) показывает гигантские возможности имеющихся производственных мощностей.

Более сложной стороной решения проблемы экономического счастья человека является удовлетворение социокультурных потребностей, поскольку это связано не только с многообразием индивидуальных человеческих запросов, но главное — с личностной оценкой степени удовлетворенности имеющимися социально-культурными благами.

Чтобы основная масса людей становилась счастливее, а общество богаче, необходимо формировать такие общественно-экономические отношения (организационные, правовые, нравственные, этические), которые содействовали бы росту счастья. Таким обществом может стать общество, развивающееся на базе интегративной экономики, идеи которой разработаны нами в монографии «Интегративное стратегическое развитие территорий (теория и методология)». В данной статье мы на них специально не останавливаемся. Лишь заметим, что интегративная экономика представляет собой систему экономических и социокультурных отношений по поводу компромиссного социально ориентированного и скоординированного сочетания материальных и духовных предпочтений территориальных активностей (человеческих личностей, структур, институтов гражданского общества) в процессе создания и удовлетворения индивидуальных потребностей [7, с. 95].

Нельзя исключать, что вопрос о совместных действиях людей по достижению ими экономического счастья станет одним из центральных в современной экономической науке. До сих пор его так однозначно еще не ставили. Чаще рассуждали об экономическом интересе личности, о механизме решения глобальных, национальных, местных и локальных проблем, говорили об оптимизации затрат и результатов, вспоминали

даже об иррациональном поведении людей. Но о том, что благосостояние всех выступает следствием ежедневного взаимодействия людей по согласованию и координации своих поступков, не только специально не говорят, но усиленно выпячивают другие аспекты, а именно: необходимость личной инициативы, которая, разрушая стереотипы, ведет к общему прогрессу. Другими словами, подчеркиваются индивидуализм, настойчивость, упорство во имя достижения своей цели, а согласованность и скоординированность действий множества личностей воспринимается не как величайшее повседневное творчество масс, которое следует изучать и бережно сохранять, а как само собой возникшее и вечно существующее условие.

В более открытой форме проблема совместных действий людей для достижения экономического счастья звучит так: должен ли человек жить для блага других, или он живет исключительно для достижения личного благополучия? Такого рода вопрос ставили и ставят перед собой размышляющие люди уже много веков. Поэт-философ Иоганн Вольфганг Гете в сочинении «Фауст» решал его на протяжении всей великой трагедии. Его главный герой доктор Фауст пришел к романтически-оптимистическому выводу:

«Жизни годы

Прошли недаром; ясен предо мной

Конечный вывод мудрости земной:

Лишь тот достоин жизни и свободы,

Кто каждый день за них идет на бой!».

Далее следует объяснение этой мысли, состоящее в том, что Фауст желает видеть «в блеске силы дивной свободный край, свободный мой народ!». Конечно, романтический подход к действиям людей не является предосудительным. Но следует помнить, что «героизм одних есть просчеты других». Поэтому более важным рычагом созидания является прогностическое поведение органов власти, которые должны не сдерживать новых возможностей экономического и технологического развития, а содействовать им, всегда оставаясь открытыми для новшеств.

Совместные усилия для достижения экономического счастья необходимы потому, что лишь квалифицированные работники генерируют экономический рост, создавая рабочие места и новые специальности, новые блага и дополнительные доходы. Но существование таких квалифицированных работников возможно при наличии других квалифицированных работни-

ков, которые их обучают. Знания идут к знаниям. Если в стране или городе мало квалифицированных работников, то остальные работники не будут повышать свою квалификацию не только из-за следования привычной рутинной технологии, но и из-за отсутствия тех, кто бы их научил новому мастерству. Люди, взаимно дополняя друг друга опытом и знаниями, только такими совместными и скоординированными действиями могут обеспечить достижение своего экономического счастья.

Список источников

1. Антипина О. Экономическая теория счастья как направление научных исследований // Вопросы экономики. — 2012. — № 2. — С. 94-107.
2. Аргайл М. Психология счастья : 2-е изд. — СПб.: Питер, 2003.
3. Аристотель. Никомахова этика. — М.: ЗАО «Издательство “Эксмо-Пресс”», 1997.
4. Батин В.Н. Категория счастья в этике Юма // XXV Герценовские чтения. Научный атеизм, этика, эстетика. — Л., 1972.
5. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. — СПб., 1876.
6. Блауз Марк. Бентам Иеремиа // 100 великих экономистов до Кейнса : пер. с англ. / Под ред. А. А. Фофонова. — СПб.: Экономическая школа, 2005.
7. Бочко В.С. Интегративное стратегическое развитие территорий. Теория и методология. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. — 316 с.
8. Джекобс Дж. Экономика городов : пер. с англ. / Под общ. ред. О. Н. Лугового. — Новосибирск: Культурное наследие, 2008. — 294 с.
9. Джидарьян П.А. Представление о счастье в российском менталитете. — М., 2001.
10. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда : пер. с фр. А. Б. Гофмана; примечания В. В. Сапова. — М.: Канон, 1996.
11. Коландер Д. Революционное значение теории сложности и будущее экономической науки. [Электронный ресурс]. URL: <http://institutiones.com/theories/1164-znachenie-teorii.html> (дата обращения 17.05.2012).
12. Кошелева О.Е. Ракурсы «счастья» в России XVII–XVIII веков // Казус 2002. Индивидуальное и уникальное в истории. — 2002. — Вып. 4. — С. 108-117.
13. Макаров В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. — М.: Бизнес-Атлас, 2010. — 272 с.
14. Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории : пер. с англ. [3-го испр. изд.] А. В. Куряева. — М.: ОАО «НПО “Экономика”», 2000.
15. Новиков М.И. О счастье. — М., 1965.
16. Ойзерман Т.И. Понятие счастья в системе И. Канта // Историко-философский ежегодник. — М., 2001. — С. 149-161.
17. Попов Б.Н. Взаимосвязь категории счастья и смысла жизни. — М., 1986.

18. Радлов Э. Л. Утилитаризм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — СПб., 1890-1907.
19. Свенцицкая И. С. Счастье и горе у древних греков // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. — 2002. — Вып. 4. — С. 16-25.
20. Свердловская область в 1993–1997 годах / Свердловоблкомгосстат. — Екатеринбург, 1998.
21. Свердловская область в 1998–2002 годах: стат. сб. / Свердловоблкомгосстат. — Екатеринбург, 2003.
22. Свердловская область в 2000–2004 гг.: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. — Екатеринбург, 2005. — С. 38.
23. Свердловская область в 2004–2008 годах : стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. — Екатеринбург, 2009.
24. Сен Амартия. Развитие как свобода : пер. с англ. / Под ред. и послесл. Р. М. Нуреева. — М.: Новое издательство, 2004. — 432 с.
25. Смит А. Теория нравственных чувств. — М.: Республика, 1997.
26. Сорокин П. А. Социологический прогресс и принцип счастья // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. — М.: Политиздат, 1992.
27. Флербе М. За пределами ВВП: в поисках меры общественного благосостояния // Вопросы экономики. — 2012. — №2, 3. — С. 67-93 (№2); С. 32 (№3).
28. Хайлбронер Р. Л. Философы от мира сего / Пер. с англ. И. Файбисовича. — М.: Издательство КоЛибри, 2008.

УДК 330.101

ключевые слова: экономическое счастье человека, удовлетворенность жизнью, интегративная экономика

МОДЕЛЬ ЭКОНОМИКИ С ОБОБЩЕННЫМ РЫНОЧНЫМ СПРОСОМ И ЕДИНСТВЕННЫМ РАВНОВЕСИЕМ¹

В. К. Горбунов

Данная статья является продолжением статьи автора «Экономическое равновесие и агрегирование покупателей: реабилитация теории Вальда» (ЖЭТ. 2011. № 3), где классическая теория общего экономического равновесия пересмотрена на примере модели экономики Касселя — Вальда и на основе авторской концепции о рыночном спросе как об априорном объекте описания рынка. В данной работе модель Касселя — Вальда модифицируется переходом от классического спроса, порождаемого коллективной функцией полезности, к обобщенному рыночному спросу, порождаемому векторным полем предпочтений. Теорема Вальда о существовании и единственности равновесия тривиально переносится на новую модель.

Введение

В предыдущей статье [10] теория общего экономического равновесия пересмотрена на примере модели Касселя — Вальда и на основе авторской концепции о рыночном спросе как об априорном объекте описания рынка.

В основе классической теории экономического равновесия (ТЭР) Л. Вальраса лежит теория потребительского спроса, понимаемого как зависимость количеств продаж благ (товаров и услуг) некоторого потребительского рынка или всей экономики² от их цен и бюджета потребителей. Экономика Вальраса состояла из конечного множества производителей (фирм), независимо максимизирующих свои доходы, и конечного множества потребителей (домохозяйств), выбирающих независимо от других потребителей из множества благ, доступных каждому при данных ценах и бюджете, наиболее «полезный» набор благ. Главное внимание Вальрас и другие современные ему авторы (С. Джевонс и К. Менгер), как и их предшественник Г. Госсен, уделили индивидуальному спросу домохозяйства.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке аналитической ведомственной целевой программой Минобразования РФ «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 годы), проект 2.1.3/6763 «Развитие математических моделей и анализ рыночного спроса и производства».

² В части благ конечного потребления.